ISSN 1026-5627

Русский орнитологический журнал

2020
XXIX

ЭКСПРЕСС-ВЫПУСК
2016
EXPRESS-ISSUE

Русский орнитологический журнал
The Russian Journal of Ornithology
Издаётся с 1992 года

Том XXIX
Экспресс-выпуск • Express-issue

2020 № 2016

СОДЕРЖАНИЕ

6091-6097 Макс Хейнрих (Майт) Застров (1910-1999) – эстонский орнитолог-любитель и экономист. Е. Э. ШЕРГАЛИН

6097-6101 Состав корма птенцов пухляка *Poecile montanus* в Центральной Мещере. А. Ю. КОСЯКОВА, О. С. ТРУШИЦЫНА

6101-6103 Поздние выводки скворца *Sturnus vulgaris* в Новоржевском районе Псковской области. Э. В. ГРИГОРЬЕВ

6103-6116 Методы реабилитации птенцов ушастой совы *Asio otus* для возвращения в естественную среду обитания. В. И. ВОРОНЕЦКИЙ, С. В. ОГУРЦОВ, О. В. ШВЕЦ

6116-6118 Майская встреча выводка клеста-еловика *Loxia curvirostra* в городе Алтай (Зыряновск). Н. Н. БЕРЕЗОВИКОВ, И. П. РЕКУЦ

6118-6120 Критическое снижение численности овсянки-ремеза *Ocyris rusticus:* современная ситуация в области Байкальского рифта. Ю. А. ДУРНЕВ, Н. В. МОРОШЕНКО

6120-6122 Сведения о гнездовании зимородка *Alcedo atthis* и золотистой щурки *Merops apiaster* в Чувашском Присурье. Ю. В. КОТЮКОВ, И. И. НИКОЛАЕВА

6122-6124 Весенняя численность птиц в селе Никольское (остров Беринга, Командорские острова). Е. Г. МАМАЕВ, И. Г. БОБЫРЬ, В. Г. ЛОЗИНСКИЙ, В. А. АГАФОНОВ

6125-6127 О пребывании моевки *Rissa tridactyla* в Азово-Черноморском бассейне. В. П. БЕЛИК

6127 Встреча среднего пёстрого дятла *Dendrocopos medius* в Башкирии. П. Г. ПОЛЕЖАНКИНА

Редактор и издатель А.В.Бардин
Кафедра зоологии позвоночных
Санкт-Петербургский университет
Россия 199034 Санкт-Петербург

© Русский орнитологический журнал, 2020
Дата опубликования: 25 декабря 2020

Русский орнитологический журнал
The Russian Journal of Ornithology
Published from 1992

Volume XXIX
Express-issue

2020 № 2016

CONTENTS

6091-6097 Max Heinrich (Mait) Zastrov (1910-1999) - Estonian amateur ornithologist and economist. E. E. SHERGALIN

6097-6101 Nestling food of the willow tit *Poecile montanus* in Central Meshchera. A. Yu. KOSYAKOVA, O. S. TRUSHITSYNA

6101-6103 Late broods of the starling *Sturnus vulgaris* in the Novorzhevsky Raion, Pskov Oblast. E. V. GRIGORIEV

6103-6116 Rehabilitation methods for the long-eared owl *Asio otus* fledglings to return to their natural habitat. V. I. VORONETSKY, S. V. OGURTSOV, O. V. SHVETZ

6116-6118 May sighting of a brood of the common crossbill *Loxia curvirostra* in the city of Altai (Zyryanovsk). N. N. BEREZOVIKOV, I. P. REKUTZ

6118-6120 A critical decline in abundance of the rustic bunting *Ocyris rusticus:* current situation in the Baikal rift zone. Yu. A. DURNEV, N. V. MOROSHENKO

6120-6122 Information about the nesting of the common kingfisher *Alcedo atthis* and the European bee-eater *Merops apiaster* in the Chuvash Prisurye. Yu. V. KOTYUKOV, I. I. NIKOLAEVA

6122-6124 The number of birds in Nikolskoe (Bering Island, Commander islands) in spring. E. G. MAMAEV, I. G. BOBYR, V. G. LOZINSKY, V. A. AGAPHONOV

6125-6127 The black-legged kittiwake *Rissa tridactyla* in the Azov-Black Sea basin. V. P. BELIK

6127 The record of the middle spotted woodpecker *Dendrocopos medius* in Bashkiria. P. G. POLEZHANKINA

A.V.Bardin, Editor and Publisher
Department of Vertebrate Zoology
St. Petersburg University
St. Petersburg 199034 Russia

© The Russian Journal of Ornithology, 2020

ISSN 1026-5627
*Русский орнитологический журнал 2020, Том 29, Экспресс-выпуск **2016**: 6091-6097*

Макс Хейнрих (Майт) Застров (1910-1999) – эстонский орнитолог-любитель и экономист

Е.Э.Шергалин

Евгений Эдуардович Шергалин. Мензбировское орнитологическое общество. E-mail: zoolit@mail.ru

Поступила в редакцию 16 декабря 2020

Облик этого человека как сейчас стоит перед моими глазами. Весной 1991 года мне довелось принимать участие в VIII днях финских и эстонских орнитологов. Такие встречи, в которые обязательно входят научные доклады и полевые экскурсии, были начаты ещё до Второй мировой войны и проводились время от времени с нерегулярными перерывами. Это был первый слёт во вновь независимой Эстонии, на который съехалось невиданное прежде число финских гостей. Примерно на 300 финно-угров я оказался единственным славянином.

Макс Хейнрих Застров в 1934 году.
Фото Эдуарда Саара. Исторический архив Эстонии (Тарту). EEA 1769.1.444.18.

Во время пешеходной экскурсии мне запомнился стройный высокий седой мужчина, который вёл себя очень скромно, общался с коллегами мало, как правило, отставал от всех, подолгу смотрел в бинокль и всё

тщательно записывал. Молодёжь мчалась вперёд, а он как будто наслаждался каждым шагом и каждым вздохом. Для своих 80 лет он выглядел очень молодо и подтянуто. Я до сих пор сожалею, что побоялся к нему подойти и что нам так и не довелось побеседовать. Уже тогда его имя знали очень многие. Это был один из двух хорошо известных эстонских орнитологов-эмигрантов – Майт Застров, оказавшийся на Родине спустя почти полвека. Совсем недалеко от места встречи располагался хутор, где за 80 лет до этого он и появился на свет. Трудно описать его чувства.

Макс Хейнрих Застров.
Фото из некролога, опубликованного
на эстонском языке в газете
«Стокгольмские известия» № 8 от 25.09.1999.

Макс Хейнрих (Майт) Застров родился 7 августа 1910 года в Лифляндии на хуторе Нуустаку недалеко от маленького города Отепя в уезде Валгамаа на юге Эстонии в семье печника Августа Хейнриха (1870-1930) и Анны Застров (1884-1976). Отец Майта имел немецкие корни, а мать – эстонские. Майт был старшим ребёнком в семье, вместе с ним росли братья Отто и Вернер (последний умер в возрасте года в 1922 году) и сестра Марта Аделе Рахи. В конце XIX и начале XX века у эстонцев было модно давать своим детям немецкими имена. Да и метрики, как правило, заполнялись на немецком языке, что приводило в замешательство краеведов, когда вставал вопрос: кто же перед нами – настоящий эстонец или потомок балтийских (отсзейских) немцев?

Отепяя считается столицей зимнего спорта в Эстонии. Этот городок известен как международный центр зимнего спорта и туризма, где проходят отборочные туры чемпионатов Европы и этапы кубка мира.

Яркая природа очень живописной южной Эстонии, где холмы, покрытые лиственными и смешанными лесами, чередуются с озёрами в ложбинах, окружала Майта с самых первых дней его жизни. В 1929 году Майт окончил Отепяскую гимназию, а в 1938 году – экономический факультет Тартуского университета. В те годы молодая незави-

симая республика испытывала очень большие экономические и финансовые трудности, что не могло не повлиять на положение Майта: денег у него не было, приходилось постоянно работать, вследствие чего учёба в университете шла с перерывами и растянулась на 7 лет – с 1930 по 1937 год. Все студенческие годы он страстно увлекался птицами и проводил за ними наблюдения. Научная работа Майта касалась изучения орнитофауны Эстонии, главным образом птиц окрестностей реки Мустйыэ (приток реки Ягала) в Кырвемаа, что на севере Эстонии к востоку от Таллина. Однако по результатам этих наблюдений Майт начал публиковать статьи в журналах только после войны, уже находясь в эмиграции. Его работы выходили на эстонском, шведском и немецком языках.

Местечко Нуустаку в Отепяя в 1911 году, то есть когда шёл первый год жизни Майта.
https://ajapaik.ee/photo/58307/nuustaku-alev-otepaa-1911/

Ландшафт в Нуустаку с высоты птичьего полёта. Фото Арво Меекса.
https://lounapostimees.postimees.ee/4230385/maaliline-nuustaku-linnulennult

В 1930-е годы в Эстонии происходила массовая эстонизация имён. Многие неэстонцы старались переделать свои имена и фамилии на эстонский лад (все изменения регулярно печатались в еженедельнике Парламента и Правительства «Eesti Riigiteataja»). Так Макс Хейнрих стал до конца своих дней Майтом.

Жена Майта – Сальме Застрова (в девичестве Вахкал). 1920-е годы.
Фото из Исторического архива Эстонии в Тарту. EAA.1781.1.45.126.

Сразу после окончания учёбы и получения долгожданного диплома 6 января 1937 года Майт женился на преподавателе естествознания и географии Сальме Вахкал (1906-1989). Их брак был зарегистрирован на хуторе Кулламаа в уезде Ляянемаа (это в западной Эстонии). Вскоре у них родились две дочери: Тийю Вальмет и Маре Маль Застров.

Ещё в 1936 году Майт Застров стал сотрудником банка долгосрочных кредитов. Однако все свободные минуты в то время Майт проводил в природе, наблюдая птиц. 27 июля 1944 года, за несколько недель до его эмиграции, в газете «Eesti Sõna / Эстонское слово» вышла его большая статья о гнездовании беркута *Aquila chrysaetos* в Эстонии с фотографиями автора.

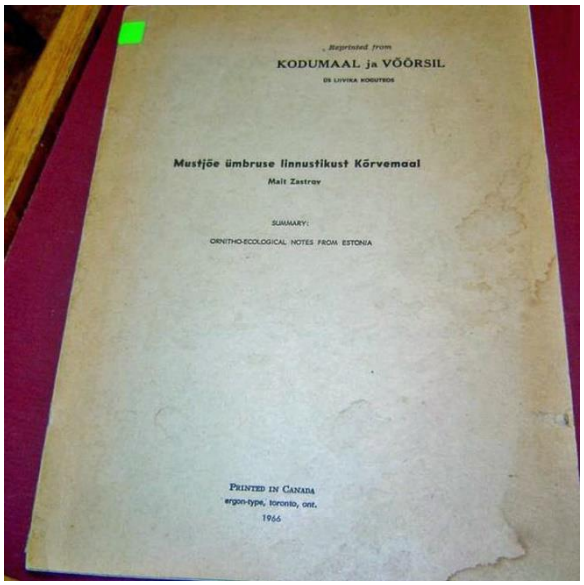
Гнездование беркута *Aquila chrysaetos* в Эстонии. Фотографии из статьи М.Застрова в газете «Eesti Sõna» от 27 июля 1944.

Осенью 1944 года, опасаясь новых репрессий (во время первой массовой высылки в 1940 году в числе прочих были депортированы в Сибирь многие работники банков Эстонской Республики), он принял решение эмигрировать на Запад. Из западной Эстонии эстонцы уходили в никуда и новую жизнь кто как мог, главным образом на рыбацких лодках. Однако не все благополучно переплыли суровое Балтийское море. Майту повезло вдвойне: его семья выжила, а он в новой стране проживания, в Швеции, смог устроиться на работу даже по своим интересам – ассистентом в архив Государственного музея природы (Naturhistoriska Riksmuseeti) в Стокгольме, где проработал 3 года (с 1944 по 1946). Однако из-за мизерной зарплаты и необходимости заботиться о семье он перестал работать в Музее и в 1946 году стал банковским служащим в одном из банков Стокгольма, где и проработал до выхода на пенсию. Его жена Сальме работала в Швеции педагогом в эстонской гимназии. В 1992 году Застровы поселились в пригороде Стокгольма Бандхагене (Bandhagen). Но даже став банковским клерком, Майт использовал любую возможность, чтобы продолжать занятия любимой орнитологией. В течение нескольких десятилетий он проводил учёты птиц в одном из парков в западной части Стокгольма, а позже на большом скалистом острове в знаменитых шхерах Столкгольма. Во время учётов Майт использовал метод картирования. Помимо сведений о птицах, он заносил в дневник и данные о растительности.

Другим серьёзным увлечением Майта Застрова всю жизнь оставалась музыка. Ещё в студенческие годы он пел в Тарту в Мужском академическом хоре, позже, уже в эмиграции, – в Эстонском мужском хоре в Стокгольме и в Смешанном хоре эстоноземельцев эстонской евангелической лютеранской церкви в том же городе. Всю жизнь он любил посещать концерты симфонической музыки и концерты с сольными выступлениями. Коллекционировал граммофонные пластинки с выступлениями многих певцов и музыкантов, которые в конце своей жизни он передал в Эстонский Дом в Стокгольме.

Вместе с Йоханнесом Лепиксааром Майт Застров всю жизнь собирал народные названия птиц. Самым крупным его вкладом в европейскую орнитологию является подготовка и издание Лундским универ-

ситетом в 1963 году в соавторстве с Йоханнесом Лепиксааром подробного обзора на немецком языке «Die Vögel Estlands» (1963). Книга на 179 страницах вышла третьим томом в серии Трудов Тартуского университета в изгнании и давно стала библиографической редкостью. Однако после появления этой работы на одном из ведущих европейских языков сведения об орнитофауне маленькой Эстонии стали широко цитироваться западными коллегами. За эту работу, а также за финансовую поддержку Эстонского орнитологического общества в самые тяжёлые первые годы его существования Майт Застров в 1991 году был выбран почётным членом этого общества.


Reprinted from
KODUMAAL ja VÕÕRSIL
Mustjõe ümbruse linnustikust Kõrvemaal
Malt Zastrov
SUMMARY:
ORNITHO-ECOLOGICAL NOTES FROM ESTONIA
PRINTED IN CANADA
ergon-type, toronto, ont.
1966

Статья М.Застрова «О птичьем населении окрестностей Мустйыэ в Кырвемаа», напечатанная на эстонском языке с резюме на английском в Торонто (Канада) в 1966 году.

Майт Застров, волею судьбы оказавшись на другом берегу Балтийского моря и наблюдая практически тех же птиц, которых он прежде видел в Эстонии, пребывая в Стокгольме на той же широте, что и до эмиграции в Таллине, прожил трудную, но достаточно долгую жизнь и скончался своей смертью в возрасте 89 лет 13 августа 1999 года в городе Стокгольме. Он пережил свою супругу на 10 лет. Согласно последней воле Майта, его прах через 2 месяца после кончины был перевезён в Эстонию и нашёл вечный покой в одной могиле с его родителями на старом участке Нового кладбища в Отепяя. Круг замкнулся…

Автор выражает благодарность Ээрику Лейбаку за консультации при подготовке данного сообщения.

Орнитологические публикации Майта Цастрова

Zastrov M. 1946. Om kungsornens *(Aquila chr. chrysaetos* L.) utbredning och biologi i Estland // *Var Fagelvarld* **5**, 2: 64-80.

Zastrov M. 1955. Aegviidu läänekotkas // *Tulimuld* 5: 292-295.

Zastrov M. 1957. Ornithologische Mitteilungen aus Ellamaa (Nordwest-Estland) // *Ann. Soc. Tartuensis ad Res Naturae Investigandas Constitutae*. Lund, **1**: 88-104.

Lepiksaar J., Zastrov M. 1959. Eestikeelsetest lindude leppenimedest // *Tulimuld* 1: 48-52, 2: 129-133.
Lepiksaar J., Zastrov M. 1963. Die Vögel Estlands // *Ann. Soc. Tartuensis ad Res Naturae Investigandas Constitutae*. Lund, **3**: 1-179.
Zastrov M. 1966. *Mustjõe ümbruse linnusitkust Kõrvemaal*. Toronto: 1- 20.

ISSN 1026-5627
*Русский орнитологический журнал 2020, Том 29, Экспресс-выпуск **2016**: 6097-6101*

Состав корма птенцов пухляка *Poecile montanus* в Центральной Мещере

А.Ю.Косякова, О.С.Трушицына

Алина Юрьевна Косякова. Национальный парк «Мещера», ул. Интернациональная, д. 111, Гусь-Хрустальный, Владимирская область, 601501, Россия. E-mail: ainsel@list.ru
Ольга Сергеевна Трушицына. Рязанский государственный университет имени С.А.Есенина, ул. Свободы, д. 46, Рязань, 390000, Россия. E-mail: trushicina01@mail.ru

Поступила в редакцию 21 декабря 2020

Пухляк, или буроголовая гаичка *Poecile montanus* – широко распространённый в Палеарктике вид синиц, встречается повсеместно, кроме крайних северных и южных областей (Рогачёва, Сыроечковский 1997). В лесах Центральной Мещеры пухляк обычен (Ананьева 2009; Хлебосолов 2008).

Зимняя пища пухляка состоит из, пауков, имаго, личинок, куколок и яиц насекомых, а также семян хвойных деревьев (Иноземцев 1962; Зонов 1969; Прокофьева 1990; Рябицев 2008). Кроме того, эти синицы зимой поедают семена и травянистых растений. В Предбайкалье в рационе пухляков отмечены семена конопли (Зонов 1969), а в Белоруссии, помимо семян сосны и ели, важную роль в их питании играют семена пикульников и хмеля (Кощеев 2002).

Летом взрослые и молодые птицы питаются насекомыми, пауками, мелкими моллюсками, поедают семена хвойных (Воинственский 1949; Иноземцев 1962; Прокофьева 1990; Рябицев 2008). В питании буроголовых гаичек встречаются также клопы и волосатые гусеницы (Воинственский 1949). Весной эти синицы могут поедать серёжки с пыльцой сосны и осины, пить сок берёз, клёна (Кощеев 2002; Бардин 2011).

Своих птенцов пухляки выкармливают преимущественно насекомыми и пауками (Иноземцев 1962; Бардин 1977; Симкин 1990; Pravosudov, Pravosudova 1996), реже в корме встречаются моллюски, круглые черви и многоножки (Иноземцев 1962; Pravosudov, Pravosudova 1996). Некоторыми исследователями отмечен принос птенцам костей

рыбы, вероятно, используемых в качестве минерального корма, как и раковины моллюсков (Pravosudov, Pravosudova 1996). Растительный корм (семена сосны, ели, кедра) в питании птенцов отмечается реже (Иноземцев 1962; Бардин 1977; Рябицев 2008).

Работу проводили в 2010-2012 годах в национальном парке «Мещерский» и в его окрестностях в сосновых и смешанных сосново-берёзовых лесах. Большая часть материала собрана в третьей декаде мая. Для получения проб птенцового корма использован метод наложения шейных лигатур (Мальчевский, Кадочников 1953). Проанализирован состав 187 порций корма общей массой 31.072 г из 5 гнёзд. В находящихся под наблюдением выводках было 8 (4 гнезда) и 6 (1) птенцов. Всего в исследованных пробах обнаружено 240 кормовых объектов.

Результаты наших исследований показали, что основную роль в питании птенцов пухляка в Центральной Мещере играли насекомые, составившие 79.6% от числа пищевых объектов, и паукообразные – 20% (см. таблицу).

Состав и количественная характеристика птенцового корма пухляка *Poecile montanus* в Центральной Мещере

Кормовые объекты	Число, экз.	% от общего числа экз.	Масса, мг	% от общей массы
MOLLUSCA	1	0.4	19	0.1
GASTROPODA	1	0.4	19	0.1
Planorbidae	1	0.4	19	0.1
ARTHROPODA	239	99.6	31053	99.9
INSECTA	191	79.6	27704	89.1
Insecta, im	2	0.8	134	0.3
Lepidoptera	148	61.6	26774	86.2
Lepidoptera, im	1	0.4	360	1.2
Lepidoptera, p	3	1.3	182	0.6
Lepidoptera, l	1	0.4	-	-
Geometridae, l	5	2.1	404	1.3
Lasiocampidae, l	1	0.4	158	0.5
Tortricidae, l	12	5	835	2.7
Noctuidae, l	125	52.0	24835	79.9
Coleoptera, l	3	1.3	136	0.4
Hymenoptera	5	2.1	313	1.0
Hymenoptera, im.	1	0.4	46	0.1
Tenthredinidae, l	4	1.7	267	0.9
Hemiptera	27	11.3	48	0.2
Aphididae	23	9.6	39	0.1
Diptera	6	2.5	299	1.0
Diptera, im	2	0.8	56	0.2
Diptera, l	3	1.3	243	0.7
Syrphidae, l	1	0.4	19	0.1
ARACHNIDA	48	20.0	3349	10.8
Aranei	46	19.2	3203	10.3
Коконы	2	0.8	146	0.5
Всего	240	100.0	31072	100.0

Обозначения: l – личинка, p – куколка, im – имаго.

Насекомые были представлены чешуекрылыми Lepidoptera, полужесткокрылыми Hemiptera, двукрылыми Diptera, перепончатокрылыми Hymenoptera и жуками Coleoptera. Паукообразные представлены пауками Aranei. Единично в составе птенцового корма отмечены брюхоногие моллюски Gastropoda (сем. Planorbidae).

Буроголовая гаичка в основном выкармливала птенцов гусеницами Lepidoptera, среди которых по количеству (52% от общего числа пищевых объектов) доминировали гусеницы совок Noctuidae. Реже в корме отмечались гусеницы других семейств: Tortricidae, Geometridae и Lasiocampidae.

Значительную часть птенцового корма составляли пауки Aranei (20%). Третье место по числу экземпляров в рационе птенцов занимали Hemiptera, представленные тлями Aphididae. Редко в корме встречались личинки Diptera и Coleoptera.

По массе в птенцовом корме преобладали гусеницы (84.4%), а также пауки и их коконы (10.8%), меньшую долю по массе занимали личинки Diptera, Hymenoptera и другие беспозвоночные.

Размеры кормовых объектов, приносимых пухляками птенцам, варьировали от 1 до 32 мм. Средний размер кормового объекта составил около 15 мм (рис. 1).

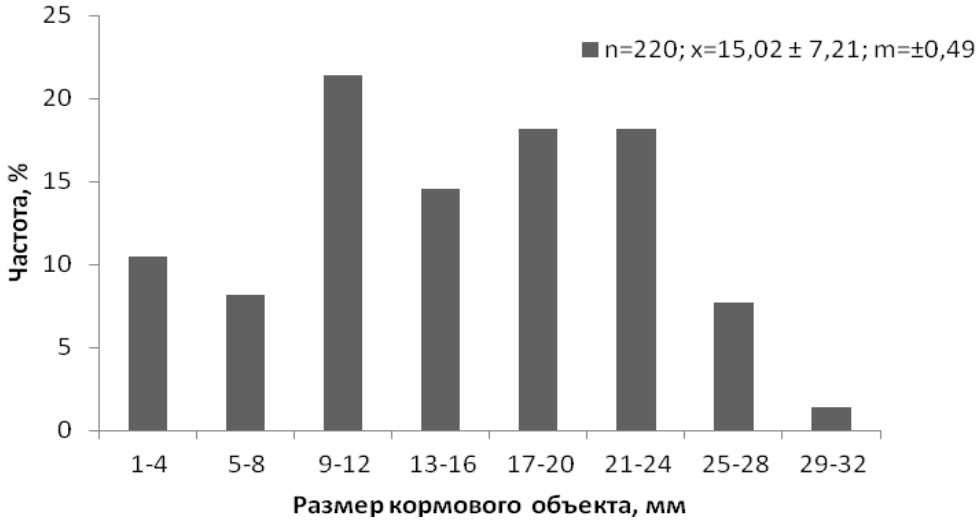


Рис. 1. Частота встречаемости (%) размерных групп (мм) кормовых объектов в питании птенцов пухляка *Poecile montanus*.

Число объектов в одной порции варьировало от 1 до 17 (рис. 2). Чаще всего приносимые птенцам порции состояли из одного кормового объекта. Большое число объектов в порции отмечено в тех случаях, когда они имели небольшие размеры (например, тли).

Масса кормового объекта варьировала от 1 до 433 мг и в среднем составила около 143 мг (рис. 3). Масса одной порции корма чаще весила 40-200 мг (от 5 до 582 мг), в среднем – около 179 мг (рис. 4).

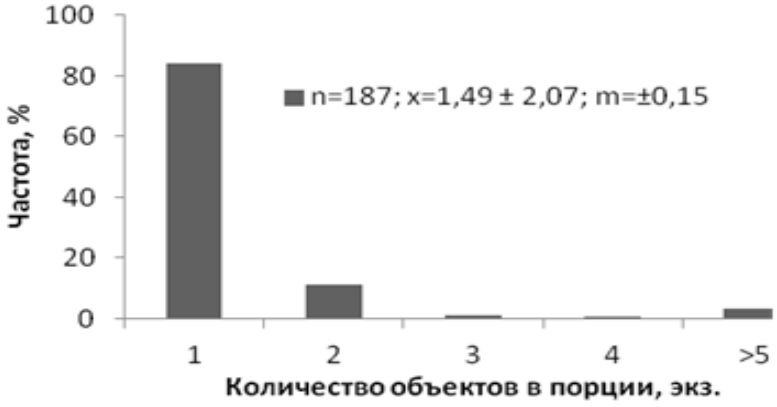


Рис. 2. Распределение частоты встречаемости (%) числа объектов в одной порции корма птенцов пухляка *Poecile montanus*.

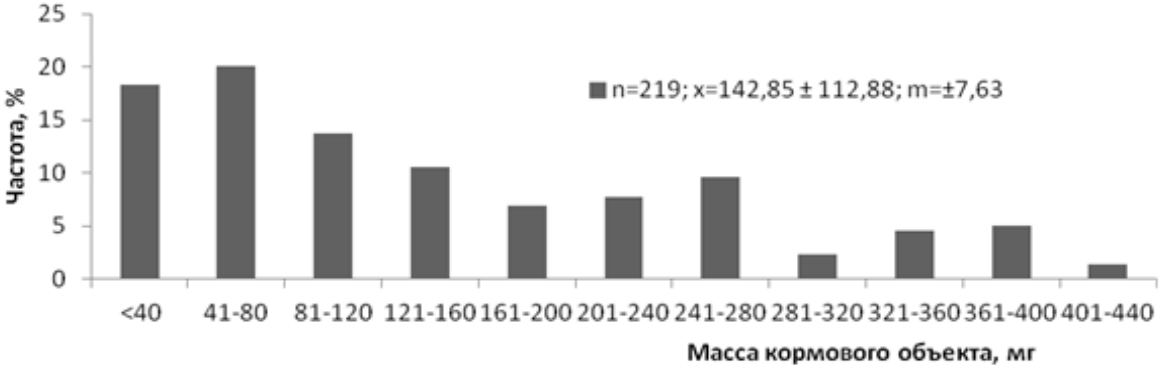


Рис. 3. Распределение частоты встречаемости (%) кормовых объектов по массе (мг) в пище птенцов пухляка *Poecile montanus*.

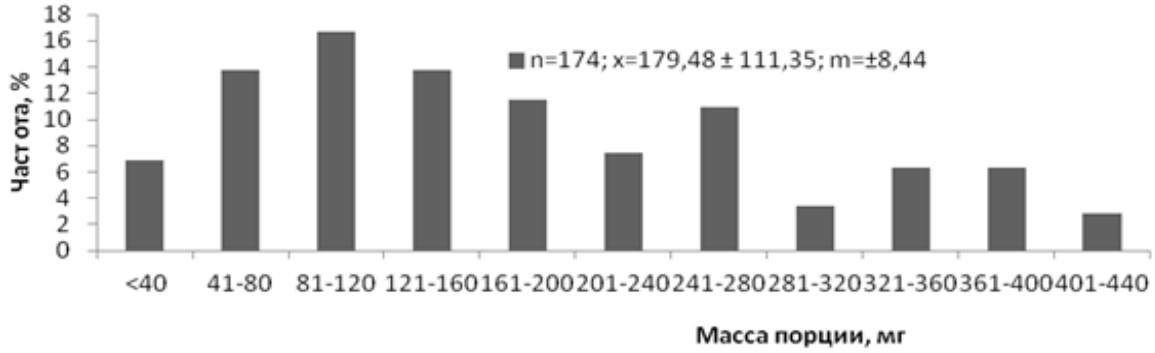


Рис. 4. Распределение частоты встречаемости (%) массы (мг) одной порции корма, приносимого птенцамв пухляка *Poecile montanus*.

Состав птенцового корма, определённый нами, в целом характерен для пухляка (Иноземцев 1962; Бардин 1977; Симкин 1990; Pravosudov, Pravosudova 1996). Как по количеству, так и по массе в нём преобладали гусеницы Lepidoptera и пауки Aranei. Стоит отметить, что синицы отдавали предпочтение гусеницам совок Noctuidae. Масса кормового объекта и порции варьировали в довольно широких пределах, в то время как число кормовых объектов в порции редко превышало 5 экз. Кроме того, прослеживается зависимость числа объектов в порции от их размерных характеристик.

Литература

Ананьева С.И. (ред.) 2009. *Кадастр позвоночных животных национального парка «Мещерский»*. Рязань: 1-100.

Бардин А.В. 1977. Питание гнездовых птенцов гаичек и хохлатой синицы // *Тр. Самаркканд. ун-та* **324**: 90-101.

Бардин А.В. 2011. Сок деревьев, нектар и пыльца как источники пищи для синиц и корольков ранней весной // *Рус. орнитол. журн.* **20** (683): 1694-1696.

Воинственский М.А. 1949. *Пищухи, поползни, синицы УССР: биология, систематика и хозяйственное значение*. Киев: 1-122.

Зонов Г.Б. (1969) 2002. Об экологии гаичек *Parus palustris* и *P. montanus* зимой в Предбайкалье // *Рус. орнитол. журн.* **11** (183): 381-384.

Иноземцев А.А. 1962. Материалы по экологии синиц Московской области // *Учён. зап. Моск. пед. ин-та* **186**, 9: 169-199.

Кощеев В.А. 2002. Гнездование бурoголовой гаички *(Parus montanus* B.) в Белорусском Поозерье // *Веснік Віцебскага ун-та* 4 (26): 91-97.

Мальчевский А.С., Кадочников Н.П. (1953) 2005. Методика прижизненного изучения питания гнездовых птенцов насекомоядных птиц // *Рус. орнитол. журн.* **14** (301): 907-914.

Прокофьева И.В. 1990. Сезонная изменчивость питания пухляка *(Parus montanus* Bald.) в условиях Северо-Запада СССР // *Тр. Зоол. ин-та АН СССР* **210**: 89-94.

Рогачёва Э.В., Сыроечковский Е.Е. (ред.) 1997. *Атлас гнездящихся птиц Европы Европейского совета по учётам птиц*. М.: 1-338.

Рябицев В.К. 2008. *Птицы Урала, Приуралья и Западной Сибири: Справочник-определитель*. Екатеринбург: 1-634.

Симкин Г.Н. 1990. *Певчие птицы*. М.: 1-400.

Хлебосолов Е.И. (ред.) 2008. *Птицы Рязанской Мещеры*. Рязань: 1-208.

Pravosudov V.V., Pravosudova E.V. 1996. The breeding biology of the Willow Tit in northeastern Siberia // *Wilson Bull.* **108**, 1: 80-93.

ISSN 1026-5627
*Русский орнитологический журнал 2020, Том 29, Экспресс-выпуск **2016**: 6101-6103*

Поздние выводки скворца *Sturnus vulgaris* в Новоржевском районе Псковской области

Э.В.Григорьев

Эдуард Вячеславович Григорьев. Деревня Дубровы, Новоржевский район, Псковская область, 182457, Россия. E-mail: edik.grigoriev2016@yndex.ru

Поступила в редакцию 30 июля 2020

Обыкновенный скворец *Sturnus vulgaris* – обычный гнездящийся, пролётный и изредка зимующий вид Псковской области (Бардин, Фетисов 2019). Результаты фенологических наблюдений над скворцом в 1987-2016 годах в юго-западной части Новоржевского района Псковской области, главным образом в окрестностях деревни Дубровы, уже опубликованы (Григорьев 2017), наблюдения продолжаются.

Самая ранняя зарегистрированная дата начала откладки яиц – 19 апреля 2010, самая поздняя – 4 мая 1997, в среднем за 20 лет – 26 апреля. Первые слётки появляются с 23 мая (2016) по 7 июня (1997), в среднем за 26 лет – 29 мая.

В 2020 году мне довелось наблюдать в деревни Дубровы сразу две семьи скворцов, выкармливающие очень поздние выводки. У первой пары, что поселилась в дуплянке на высоте 2 м от земли, последний птенец покинул гнездо 20 июня. У второй пары, гнездившейся в скворечнике на старом клёне на высоте 3.3 м, птенцы вылетели 28 июня.

Эти поздние выводки родители кормили часто, прилетая с кормом через 3-4 мин. 22 июня «рабочий день» скворцов у скворечника на клёне закончился в 19 ч 15 мин, 27 июня «рабочий день» начался в 4 ч 50 мин. 21 июня с 8 ч 40 мин до 9 ч 40 мин родители приносили птенцам корм 16 раз. Последняя песня самца у этого скворечника наблюдалась 25 мая. В 2020 году в окрестностях деревни Дубровы первый вылет молодых скворцов из гнезда отмечен 24 мая. Послегнездовые кочёвки первых стай скворцов начались 5 июня.

За все годы наблюдений здесь самая поздняя кладка у скворцов наблюдалась в 1998 году – птенцы вылетели 5 июля. В Ленинградской области вылет птенцов из самых поздних гнёзд скворца наблюдался 4 июля 1955 и 9 июля 1968 и 1969 (Мальчевский, Пукинский 1983).

В нашем случае трудно сказать, что представляли поздние кладки: позднее начало гнездования, повторные кладки после гибели яиц или птенцов в первом гнезде или вторые кладки после успешного первого цикла размножения. Данный вопрос подробно рассматривается в статье А.Д.Нумерова и Е.И.Труфановой (2015). В наших условиях скворцы, как правило, имеют только одну кладку в году. Даже после гибели яиц или птенцов в первом гнезде они нечасто делают повторные кладки. Однако на огромном пространстве ареала обыкновенного скворца есть зоны, где птицы размножаются дважды за сезон или регулярно, или эпизодически в годы с ранней весной, или исключительно редко. Так, в северной Финляндии у скворцов обычно одна кладка в году, но в качестве редкого исключения доказана вторая кладка в 1980 году (Ojanen, Kylmänen 1984). В Алма-Ате в Казахстане наличие вторых кладок у скворца установлено кольцеванием; ко второму циклу гнездования приступало около 25% птиц (Сема 1978, 2019).

Интересно отметить, что в Германии были отмечены случаи осеннего и даже зимнего размножения скворцов (Schneider 1972).

Литература

Бардин А.В., Фетисов С.А. 2019. Птицы Псковской области: аннотированный список видов // *Рус. орнитол. журн.* **28** (1733): 731-789.

Григорьев Э.В. 2017. Фенологические наблюдения над жизнью скворца *Sturnus vulgaris* в Новоржевском районе Псковской области // *Рус. орнитол. журн.* **26** (1402): 499-502.

Мальчевский А.С., Пукинский Ю.Б. 1983. *Птицы Ленинградской области и сопредельных территорий: История, биология, охрана*. Л., **2**: 1-504.
Нумеров А.Д., Труфанова Е.И. 2015. О поздних, повторных и вторых кладках обыкновенного скворца *Sturnus vulgaris* // *Рус. орнитол. журн.* **24** (1232): 4681-4694.
Сема А.М. 1978. Биология обыкновенного скворца на юго-востоке Казахстана // *Тр. Ин-та зоол. АН КазССР* **38**: 42-57.
Сема А.М. 2019. О наличии второй кладки в сезон у туркестанского скворца *Sturnus vulgaris porphyronotus* // *Рус. орнитол. журн.* **28** (1728): 565-566.
Ojanen M., Kylmänen R. 1984. Second broods reared by Starlings in northern Finland in 1980 // *Ornis fenn*. **61**, 4: 123.
Schneider W. 1972. Der Star *Sturnus vulgaris* // *Die Neue Brehm-Bucherei* **248**: 1-127.

ISSN 1026-5627
*Русский орнитологический журнал 2020, Том 29, Экспресс-выпуск **2016**: 6103-6116*

Методы реабилитации птенцов ушастой совы *Asio otus* для возвращения в естественную среду обитания

В.И.Воронецкий, С.В.Огурцов, О.В.Швец

Владимир Иванович Воронецкий, *Сергей Викторович Огурцов*. Биологический факультет, Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия.
E-mail: ya-vlvoron@yandex.ru; compclass7@yandex.ru
Ольга Викторовна Швец. Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н.Толстого, Тула, Россия. E-mail: olgashvets@mail.ru

Поступила в редакцию 16 декабря 2020

Благодаря длительному сосуществованию рядом с человеком в условиях земледельческого ландшафта многие виды сов (ушастая сова *Asio otus*, домовый сыч *Athene noctua*, *cunyxaTyto alba* и серая неясыть *Strix aluco)*, оставаясь специализированными ночными хищниками, приспособились к жизни в трансформированных человеком ландшафтах, обеспечивающих им успешную охоту, размножение и вождение птенцов. Роль изменённой среды настолько велика, что она может менять биологию ушастой совы и некоторых других видов. Так, в последние десятилетия на территории крупных городских агломераций Центрального региона России благодаря усилившемуся «световому загрязнению», обилию корма в виде синантропных грызунов и наличию мест для гнездования, отмечается позднеосеннее токованье и зимнее размножение ушастой совы и серой неясыти. Так в феврале-марте 2005-2017 годов неоднократно регистрировали слётков ушастой совы на Воробьёвых горах. Также известно зимнее размножение серой неясыти в Салтыковском лесопарке и в Природном заказнике «Долина реки Сетунь» в городе Москве.

По мере дальнейшей застройки естественных ландшафтов садово-дачными и коттеджными посёлками возникают новые, порой неожиданные экологические проблемы. Наиболее уязвимым видом в период гнездования на территориях таких посёлков и вблизи них оказалась ушастая сова, занимающая гнёзда массовых птиц-синантропов – серых ворон *Corvus cornix* и сорок *Pica pica*. Как известно, поведение сов в период размножения характеризуется громкой вокализацией, демаскирующей присутствие выводков. Это не только привлекает внимание людей, но и может служить серьёзным фактором беспокойства для некоторых жителей, если гнездо или выводок находится в самом посёлке или на его окраине. Наши наблюдения в Центральном регионе показали, что абсолютное большинство выводков ушастой совы держатся не далее сотни-другой метров от поселений человека или используют территорию дачных поселков с развитой древесной растительностью. Гнездятся птицы теперь и в городах, во дворах кварталов со старой застройкой.

Начало ночной вокализации совиных выводков в июне-июле приходится на вечернее время в интервале 21 ч 35 мин – 22 ч 40 мин и продолжается до 2 ч 33 мин – 4 ч 56 мин утра, то есть за ночь птенцы кричат в среднем около 4.5-6 ч (рис. 1). Их вокализация определяется несколькими факторами: погодными условиями, успехом охоты взрослых птиц, зависящей от плотности популяции вида-жертвы, наконец, физиологическим состоянием птенцов, определяемым главным образом степенью их накормленности в предшествующую ночь. Здесь естественным образом проявляется влияние погодных условий, определяющих характер вокализации каждого выводка, а именно – частоту и продолжительность подачи звуковых сигналов. Каждый из птенцов среднего по величине выводка (из 2-4 молодых особей) в зависимости от действия внешних и внутренних факторов, определяющих его поведение, может издавать от 800 до почти 7000 звуковых сигналов за ночной период своей активности.

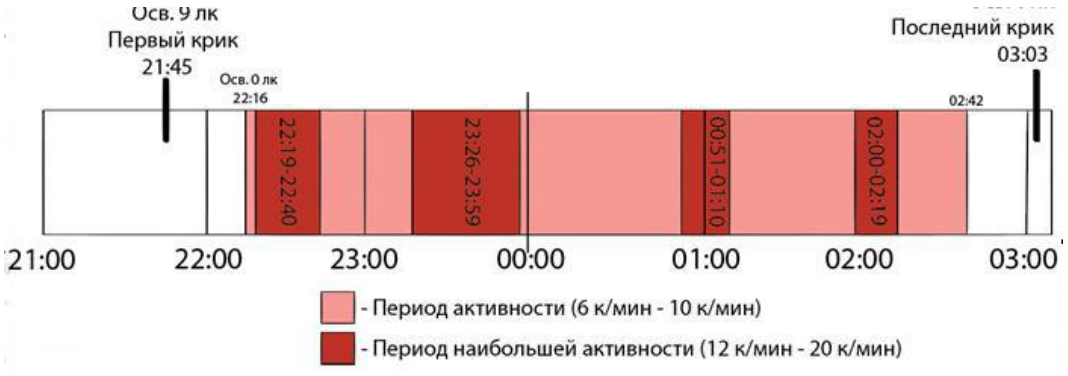


Рис. 1. Пример голосовой активности одного из птенцов ушастой совы в середине июля 2018 года (осв. – освещенность; к/мин – количество криков в минуту). Первые крики раздаются в разное время в зависимости от степени голода птенцов (иногда даже днём), последние – на рассвете (при освещённости от 0 до нескольких люкс), когда проявляется первая активность певчих птиц.

Интенсивность сигналов птенцов-слётков, измеренная на расстоянии 1 м, может достигать 90 дб, что соответствует громкости сигнализации среднебюджетного автомобиля. Показательно, что ночная перекличка выводка характеризуется неравномерностью подачи сигналов в течение всего ночного периода и перемещением совят по занимаемой территории, которая постепенно расширяется. При этом птенцы нередко оказываются в непосредственной близости от жилых домов с открытыми окнами и т.п. В годы с высоким обилием потенциальных жертв в условиях Центрального региона выводки бывают особенно многочисленными и встречаются практически возле всех поселений человека, включая жилые кварталы городов и лесопарки на их территории. В «мышиные годы» число птенцов в выводках достигает 4-5 и их вокализация характеризуется высокой интенсивностью.

Такие особенности поведения сов вызывают у некоторых жителей исключительно негативную реакцию. Известны случаи отстрела выводков прямо на территории дачных поселков или попытки их отпугивания. При неудаче отпугивания делаются попытки отлова или перемещения птиц. В результате часть птенцов погибает, другие попадают в вольеры частных лиц или поступают в живые уголки различных баз отдыха, детских лагерей и пр. Отмечены и обратные ситуации, когда сентиментальные и сердобольные граждане отлавливают плохо летающих птенцов, которые, по их мнению, брошены взрослыми птицами и нуждаются в «спасении», человеческой опеке и выкармливании.

В последние десятилетия возникла ещё одна причина, чисто социально-психологического аспекта, усилившая изъятие сов из природной среды. Это появление произведения английской писательницы Джоан Роулинг о необычном подростке Гарри Поттере, в котором фигурирует ручная сова Букля (Хэдвиг), способная к различному волшебству. В молодёжной среде после этого распространилась мода дарения сов на дни рождения с последующим содержанием их в городских квартирах и на дачах. Вследствие этого интенсифицировалась торговля этими птицами, возникли некие специальные питомники (например, онлайн питомник «EkzoticZOO» – https://ekzoticzooo.ru/Sova-domashnyaya.html), продающие сов разных видов по весьма высоким ценам, что дополнительно подстёгивает интерес к такому виду живого «товара». Однако содержание и размножение сов, как и многих других хищных птиц, в подобных питомниках слишком трудоёмко и экономически невыгодно. Гораздо выгоднее отлов ещё плохо летающих птенцов в природе. Поскольку наиболее массовым видом в Центральном регионе является ушастая сова, то именно этот вид становится основным объектом такого изъятия (рис. 2).

Однако у этого явления (изъятие и отлов птиц) имеется и оборотная сторона: совы, обладающие ярко выраженным ночным биоритмом,

плохо «вписываются» в человеческую среду существования, в обстановку домов и современных квартир. Содержание таких птиц с инвертированным, по отношению к человеческому, циклом активности создаёт для неподготовленных владельцев много неудобств и дискомфорта. Рано или поздно в большинстве случаев они стараются избавиться от подросших птенцов. Не случайно в конце каждого дачного сезона (особенно в годы высокой численности ушастых сов) отмечается множество обращений граждан в зоопарки и различные питомники с предложениями о передаче сов, содержавшихся в неволе.

Рис. 2. Птенец-слёток ушастой совы *Asio otus* в возрасте около 4-5 недель, вышедший из гнезда и способный перемещаться в кронах деревьев и слабо планировать (маховые полностью не развёрнуты). В этом возрасте совята чаще всего попадают в руки людей.

Из-за биологической некомпетентности людей, в чьи руки попадают такие птенцы, часть молодых особей гибнет в неадекватных условиях содержания и кормления. Погибают они и при неграмотном возвращении молодых птиц в природу. Судьба освобождённых совят, как правило, неизвестна, но наши многолетние наблюдения позволяют утверждать, что птицы, содержавшиеся в неволе более 2-3 месяцев и выпущенные в городских условиях или в антропогенном ландшафте, в абсолютном большинстве случаев уже не способны выжить самостоятельно. Они не обладают необходимыми адаптациями к самостоятель-

ному существованию «на воле», где погибают от голода, не имея необходимых навыков охоты и знания мест обитания грызунов. Кроме того, эти молодые совы не способны избегать коллективного нападения врановых или хищничества ястреба-тетеревятника *Accipiter gentilis*, широко распространённого в антропогенном ландшафте.

В разные годы в условиях Звенигородской биостанции Московского университета мы изучали вопрос по возвращению слётков ушастой совы в природную среду. Всего осуществлено семь выпусков разновозрастных слётков, из них 5 птенцов были успешно «внедрены» в неродные (посторонние) выводки ушастых сов, а 2 птенца обучены охоте за грызунами в условиях неволи. Абсолютное большинство этих попыток (6 из 7) закончились положительно, и лишь один эксперимент дал отрицательный результат из-за неблагоприятных условий погоды. Рассмотрим более подробно эти два метода: выпуск и внедрение слётков в подходящий выводок с последующим его докармливанием взрослыми совами в условиях естественной среды обитания и предварительное формирование в условиях неволи охотничьих навыков у выпускаемой особи на основе их врождённой инстинктивной программы.

Выпуск и «подсадка» совиных птенцов-слётков в «чужие» выводки

«Подходящим» для приёма и выкармливания выпускаемых слётков следует считать любой совиный выводок, в котором имеется несколько активно вокализирующих птенцов, а сам выводок находится на стадии вождения слётков, но ещё не совершает значительных и направленных перемещений. Выпускаемый птенец должен сохранять способность к активной вокализации в ночные часы (по крайней мере, непосредственно перед выпуском). Важным условием успешного приёма такого «подкидыша» в посторонний выводок служит хорошая кормовая база. Косвенным показателем последней могут служить наличие в ближайших окрестностях других выводков, в составе которых несколько (но не менее двух) вокализирующих слётков. Наличие в выводке единственного птенца, скорее всего, свидетельствует о недостаточной кормовой базе или неблагоприятных погодных условиях на ранней стадии гнездования.

Подсаживаемый птенец доставляется на место выпуска в любой переноске или закрытой коробке. Возле подходящего выводка выбирается невысокое дерево с густой кроной (в средней полосе предпочтительнее сосна или ель высотой от 4 до 8 м), где птенец при необходимости может затаиться в последующие часы. Дерево должно соседствовать с другой древесной растительностью, куда впоследствии он может перебраться. Птенца, предназначенного для выпуска, следует предварительно накормить (не позднее полуденного времени), а вечером, в су-

мерках, высадить на выбранном месте. Последующие наблюдения в течение 1-2 ч дают предварительную информацию о том, как происходит взаимодействие между птенцом и взрослыми птицами выбранного выводка. Сам процесс приёма совят в посторонний выводок, по нашим наблюдениям, может происходить по нескольким «сценариям». Причины обсуждаемой пластичности поведения (и подсаживаемых птенцов, и взрослых птиц, выкармливающих выводок), нам неизвестны, но они могут быть связаны со многими факторами среды или с особенностями врождённых рефлексов у данного вида птиц. В целом, при выпуске 5 слётков в разные годы мы наблюдали три варианта «процедуры приёма» в «чужой» выводок. Проиллюстрируем это на примере выпуска птенцов, находившихся в неволе до 1-2.5 недель.

Слёток, выпущенный в середине июля 2019 года (около села Луцино), первую ночь после высадки вёл себя крайне скрытно, не издав ни одного звукового сигнала за ночь, хотя хорошо слышал крики других совят. В течение этой ночи он переместился из нижней части пятиметровой сосны в верхнюю часть её кроны. Однако уже в следующий вечер, ещё засветло (при освещённости небесного свода 16 лк), он первым стал издавать пронзительные крики, заметно отличающиеся по тональности от тех, которые демонстрировал при временной передержке в вольере. Вскоре этот слёток первым получил от взрослой птицы добычу и в течение ночи был накормлен ещё один раз. Впоследствии он переместился в кроны старых деревьев, где более 2 недель держался в сообществе совят «чужого» выводка. После этого весь выводок постепенно откочевал в сторону полевых угодий, где постоянно охотились взрослые ушастые совы, и птенцы перешли к самостоятельному добыванию корма. Погодные условия и численность грызунов в этот сезон были благоприятны для успешного выживания выводка.

Иной вариант поведенческих реакций продемонстрировали три других птенца, выпущенные в разные годы и благополучно принятые «чужими» выводками. Наиболее ярко это проявлялось у одного из слётков в 2019 году (середина июля, район села Гигерево). Этот птенец, подсаженный к выводку с 3 другими совятами, через четверть часа, в течение которых успел отряхнуться, поправить оперение и прислушаться к звукам окружающей местности, сразу начал издавать птенцовые сигналы. Характерно, что тональность его криков, как и в первом рассмотренном случае, была смещена в высокочастотную область. Такие сигналы, вероятно, более эффективно воздействуют на взрослых сов, поскольку буквально в течение получаса от начала вокализации он получил корм после короткого ориентировочного облёта взрослой птицы, значительно опередив остальных членов этого же выводка. Его голос и позднее заметно отличался по частотным характеристикам среди сигналов других птенцов. В конечном счёте, все совята были благо-

получно выкормлены до времени перехода к самостоятельной охоте. Сходный алгоритм поведения демонстрировали и птенцы, выпущенные в другие годы. Отличие их поведения заключалось лишь в более продолжительной ориентации, которая у одного достигала 1 ч 40 мин, а у другого была немного короче, при этом тональность птенцовых сигналов в этих случаях изменялась незначительно. При всей разнице поведенческих реакций все три подсаженных совёнка были благополучно выкормлены и приступили к самостоятельной охоте в районе размножения своих приёмных родительских пар.

Третий вариант «социализации» птенца, выпущенного в конце июня 2003 года (около деревни Волково), относится к наиболее сложным при «приёме» в избранный выводок. Каждый раз, когда подсаженный птенец начинал издавать свои крики, взрослая сова (чаще всего выводки стерегут и охраняют самки) вслед за этим воспроизводила предупреждающий сигнал (своеобразный сиплый «лай»). После него весь выводок умолкал и на некоторое время затаивался. В районе полуночи самка перестала беспокоиться и реагировать на вокализацию «пришлого» совёнка. Перекличка выводка нормализовалась, и взрослые совы стали кормить птенцов, включая и подсаженного чужака. Следует отметить, что на поздней стадии вождения выводков такое осторожное поведение (иногда с элементами агрессии) бывает характерно и для самих птенцов, которые в ответ на голос «чужого» слётка могут издавать предупреждающий «лай» и даже вылетать на источник звука. Такую ситуацию можно трактовать как раннее проявление территориально-оборонительной реакции.

При всём разнообразии поведения и самих подсаживаемых птенцов, и «принимающих» их выводков, практически во всех случаях возвращение совят в природу происходило успешно. Опытный наблюдатель, способный вести весьма специфические и сложные наблюдения за такими выводками, может констатировать особенности поведения птенцов при их переходе к самостоятельному существованию. Конечно, у некоторых натуралистов может возникнуть вопрос о мечении таких птенцов, которое только и может подтвердить успех их возвращение в природную среду. Однако следует отметить, что все слётки издают индивидуально «окрашенные» звуковые сигналы, которые при продолжительном наблюдении нетрудно выделить в вокализации выводка из нескольких особей. Это и даёт возможность проследить судьбу подсаженного совёнка.

Формирование охотничьих навыков у слётков в условиях неволи

Далеко не всегда возможна реализация «подсадки» совиного птенца в «чужой» выводок. Для этого пригодны только молодые особи, со-

храняющие комплекс птенцового поведения, характеризующийся постоянно издаваемыми звуковыми сигналами достаточной громкости. В нашей практике было два случая, когда птенцы находились в неволе довольно долго – не менее 2.5-3 недель. В результате у них ослабевал рефлекс вокализации, совята реже издавали птенцовые крики, а сами эти сигналы воспроизводились как бы вполголоса.

Попытки подсадки таких птенцов, как правило, заканчиваются неудачей, поскольку и взрослые совы, и их выводки в целом не обращают на такую «некачественную» сигнализацию никакого внимания. В подобных случаях совят для возвращения в природную среду можно обучить охотничьему поведению, которое позволит им самостоятельно адаптироваться к существованию в естественной среде.

Основанием к постановке таких экспериментов послужили наблюдения за совами в дикой природе, проведённые ранее методом тропления наиболее толерантных выводков, способных привыкнуть к постоянному присутствию наблюдателя и использованию им световых приборов. Общая схема приобретения охотничьих навыков молодыми совами включает несколько стадий. На позднем этапе выкармливания слётков, когда у них происходит почти полное разворачивание маховых и птенцы приобретают способность к качественному полёту, они осторожно спускаются из крон деревьев на поверхность земли, где давно отмечали звуки перемещения, кормёжки и общения мелких млекопитающих. Звуковые сигналы в это время птенцом не издаются. Врождённый инстинкт стимулирует приближение совят к источнику звуков, а если он перемещается, то и следованию за ним. В антропогенном ландшафте такой рефлекс может подавляться осторожностью и страхом от частого появления людей и домашних животных. Преодолевая рефлекс страха от нахождения на поверхности земли, дикие птенцы стремятся приблизиться к «звучащему объекту» и схватить его. Чаще всего схватывание осуществляется клювом. Это объясняется тем, что при попытке сближения со «звучащим объектом» совёнок рано или поздно натыкается на него чувствительными вибриссами лицевого диска. Достаточно подвижный объект стимулирует активность, и попытки схватывания клювом учащаются. После нескольких удачных схватываний птенец теряет начальную осторожность и бьющуюся в клюве добычу больше не выпускает, а перехватывает её когтями. Попытки добычи вырваться из лап хищника стимулируют укусы клювом в разные части тела. Некоторые птенцы с первого раза уверенно догоняют по земле потенциальную добычу, прыгают на неё и сжимают когтями. После нескольких успешных нападений рефлекс обучения охоте у молодых сов можно считать отработанным, но далеко не всегда птенцы сразу после этого приступают к самостоятельной охоте. Освоив данный навык, они могут ещё некоторое время «эксплуатировать» родителей.

В разные годы мы дважды ставили эксперименты по обучению птенцов ушастых сов. Один эксперимент оказался безуспешен: птенец научился добывать полёвок, подпускаемых к нему в пустующую летом котельную, однако при выпуске на территории ЗБС МГУ в конце августа 2005 года он не смог самостоятельно охотиться в природе из-за наступившей непогоды (ветер и дождевые заряды). Совёнок забился в кустарник, двое суток голодал и даже стал издавать слабые птенцовые сигналы. В результате он был отловлен и пристроен в «живой уголок».

Более успешный эксперимент был проведён в летом 2019 года. Его особенности и результат достойны отдельного описания. На окраине Звенигорода рабочими-строителями был отловлен выводок из 3 птенцов разного возраста. Средний птенец погиб при содержании в неволе. Младший был нами успешно подсажен в выводок возле деревни Гигерево. Подсадка старшего совёнка оказалась неудачной, поскольку «чужой» выводок состоял из более активных слётков, переместившихся на большое расстояние. В результате изголодавшегося птенца пришлось снова вернуть в вольеру, где он и содержался ранее около недели. Совёнка кормили кусочками мяса и мёртвыми полёвками, подаваемыми на кончике прута примерно метровой длины. Под дощатым полом вольера водились мышевидные грызуны, звуки жизнедеятельности которых птенец активно лоцировал.

Рис. 3. Экспериментальное помещение (снаружи и внутри), где проводилось обучение слётка ушастой совы.

Все эксперименты по обучению слётка охотничьему поведению проводили в отдельно стоящем экспериментальном доме-сарае площадью около 16 м^2. Поверхность пола в нём была разделена на три отсека-бассейна, выстеленных полиэтиленовой плёнкой (остались от предшествующих экспериментов с амфибиями). На высоте 2.5 м имелись две полки для наблюдателей, а для слётка в нескольких местах укрепили подходящие насесты. Дом был населён дикими мышевидными грызунами, громко скребущимися под полом каждую ночь (рис. 3). В период

эксперимента птенца подкармливали мёртвыми и живыми грызунами: *Myodes glareolus*, *Sylvaemus uralensis* и *Sylvaemus flavicolis*.

В первую ночь в присутствии наблюдателей совёнок вёл себя очень осторожно, несмотря на то, что ранее часто видел людей и получал от них корм в вольере. После выпуска в помещение он отсиживался на карнизе-выступе стены, периодически занимаясь чисткой оперения, перебирая и приводя его в порядок после транспортировки. На половину комнаты, где находились наблюдатели (как правило, два человека), в течение первой ночи совёнок не залетал, проявляя по отношению к ним заметную насторожённость и чутко реагируя на каждый шорох или движение. Много времени он посвящал выслушиванию и осмотру помещения, периодически освещаемого слабым светом электрического фонаря. В процессе наблюдений можно было заметить ярко выраженную реакцию совёнка на звуки мелких грызунов, скребущихся по углам под полом и на чердаке. Его линия взгляда всегда направлялась в сторону появившегося источника звука, к которому совёнок напряжённо прислушивался, вращал или раскачивал голову с лицевым диском. После полуночи птенца дважды покормили, подавая пищу с помощью прута и стараясь дотронуться до вибрисс лицевого диска. Кусочек мяса, обвалянный в шерсти и размером со среднюю полёвку он заглотнул целиком, а мёртвую полёвку перехватил когтями и стал отрывать клювом отдельные куски и заглатывать. Такое поведение свидетельствовало о хорошем развитии пищевых рефлексов.

После описанных наблюдений во вторую ночь протестировали реакцию совёнка на мёртвую полёвку. Тушка на глазах птенца была положена в одну из выгородок, после чего совёнок слетел со своего насеста и приблизился к потенциальной добыче. Осмотрев неподвижную тушку, совёнок не стал брать её ни клювом, ни когтями. Позднее эту полёвку скормили птенцу стандартным методом с помощью подачи на пруте. Выяснив способность птенца опознавать внешний вид потенциальной добычи, мы решили протестировать его реакцию на живую жертву. С этой целью свежеотловленную рыжую полёвку посадили в прозрачную пластиковую коробку-контейнер, который поместили на то же место, куда ранее клали мёртвую полёвку. Перемещаясь в пластиковой коробке, жертва производила разнообразные громкие звуки, сразу привлёкшие внимание слётка (рис. 4). Вслушиваясь в эти звуки, совёнок слетел на бортик перегородки помещения и оттуда спрыгнул на коробку, в которой просвечивал силуэт грызуна. В течение нескольких минут он осматривал коробку со всех сторон, перемещаясь над мечущейся полёвкой и безуспешно пытаясь её схватить то клювом, то когтями. Оценив такую ярко выраженную активность молодой совы, мы выпустили полёвку из коробки. Процесс выпуска производился менее чем в полуметре от птенца и при его напряжённом внимании к проис-

ходящему. Совёнок в считанные секунды совершил несколько прыжков с подлётом и поймал полёвку когтями, когда она совершала короткие пробежки, несколькими резкими укусами клюва умертвил её и вскоре целиком заглотил. В эту ночь птенца накормили ещё одной мёртвой полёвкой.

Рис. 4 (слева). Совёнок-слёток приближается к пластиковой коробке, из которой пытается вырваться рыжая полёвка (снимок со вспышкой).
Рис. 5 (справа). Жертва (полёвка) поймана и вскоре будет съедена. Совёнок реагирует на шорох одежды наблюдателя.

В третью ночь была продолжена работа над закреплением охотничьих навыков у молодой совы. С этой целью использовали тот же пластиковый контейнер-коробку, куда на короткий срок сажали живых грызунов (полёвок). После того, как совёнок обнаруживал присутствие живой жертвы (по звукам её перемещения внутри коробки), зверька выпускали в центральный бассейн. В эту ночь совёнок впервые совершил охотничье нападение на жертву не с бортика бассейна, а пикировал со своего насеста, отстоящего от места положения жертвы не менее чем на 3-3.5 м. В вечерние часы слёток таким методом успешно поймал двух полёвок, которых употребил в пищу (рис. 5). Ещё одну мёртвую полёвку скормили птенцу в предутреннее время, чтобы сформировать у него дополнительную физиологическую устойчивость перед предстоящим выпуском.

Проведя серию экспериментов по выработке охотничьего стереотипа поведения, обеспечивающего успешное нападение и поимку рыжих полёвок, мы решили в четвёртую ночь протестировать молодую сову на способность к отлову более быстрых жертв. Для этого выбрали желтогорлую мышь среднего размера. По той же методике, что описана выше, она была выпущена на глазах молодой совы в центральный бассейн. Слёток совершил несколько неудачных попыток схватить жертву когтями, но каждый раз промахивался – активно перемещавшаяся мышь в последний миг ускользала от его хваток. После нескольких

нападений мышь нашла небольшую щель в полиэтиленовой плёнке и сумела протиснуться туда, ускользнув от поимки. Потеряв потенциальную жертву, совёнок долго осматривался и обследовал место, в которое она сумела пролезть и исчезнуть. Он не только осмотрел саму щель, обойдя многократно её с разных сторон, но и перешёл к обследованию прилегающих мест, включая и участки соседних выгородок-бассейнов, находящиеся за бортиками-стенками.

Через 30-40 мин после того, как совёнок прекратил поиски и успокоился, вне поля его зрения в ту же выгородку-бассейн выпустили живую полёвку, которую хищник легко и сразу поймал, а после поимки оторвал переднюю часть и проглотил целиком остальное. Примерно через час из живоловки была выпущена вторая желтогорлая мышь в ту же выгородку. После нескольких неудачных бросков совёнок все же смог поймать и её. Таким образом, фактически в течение трёх летних ночей птенец-слёток ушастой совы научился успешно добывать живых грызунов, являющихся основными жертвами этого вида в естественной среде обитания. Следует добавить оценку возраста этого птенца, которому к моменту обучения исполнилось не менее 9-10 недель после вылупления из яйца, при этом данная особь провела в неволе 15-18 дней, но не стала полностью ручной. Результаты наших наблюдений и экспериментов свидетельствуют о том, что в этом возрасте птенцы сохраняют способность к обучению охоте за их видоспецифичной добычей.

В пятую ночь мы решили выпустить птенца в районе обширного поля, в окрестностях которого держались и охотились сразу 3 совиных выводка (окрестности деревни Гигерево). Чтобы окончательно убедиться, что совёнок сохраняет освоенные охотничьи навыки и сможет самостоятельно существовать в природе, добывая необходимых жертв, мы наметили дополнительно это проверить непосредственно перед выпуском. Тем более что было нужно максимально накормить его в связи с тем, что какое-то время после выпуска (может быть, целую ночь) совёнок мог затратить на адаптацию в новом месте. С этой целью в том же экспериментальном помещении мы предоставили ему возможность поймать ещё одну живую полёвку. Через некоторое время после того, как он заглотил её, для него выпустили живую лесную мышь. С ней он справился так же быстро, как и с предыдущим зверьком. Третью жертву (лесную мышь), предложенную в течение 1.5 ч, совёнок ловить не стал, поскольку был уже достаточно сыт. С трудом удалось скормить ему ещё одну мёртвую полёвку. После этого молодую сову отловили и поместили в коробку для последующей транспортировки. Выпуск был осуществлён в ночное время в редкостойном сосняке, где по соседству держался один из выводков ушастой совы (рис. 6). Последующие наблюдения показали, что этот слёток, расположившись в кроне старой берёзы, не стал вступать в перекличку с членами державшегося здесь вы-

водка ушастой совы. На следующий вечер он перебрался под верхушку небольшой ивы, где во время небольшого дождя нам удалось подкормить его тушкой полёвки, поданной на кончике удочки. При благоприятной погоде, наступившей на следующий день, мы видели несколько бросков молодой совы, охотившейся с нижних ветвей цепочки берёз, вторгающейся в полевой ландшафт. Возможность приближения к этой птице на близкое расстояние (до 7-10 м) склоняет нас к мысли, что это мог быть выпущенный нами выкормыш, обученный охоте.

Рис. 6. Выпуск лётного и обученного птенца ушастой совы в редкостойный сосняк.

Таким образом, описанные методы могут содействовать возвращению в природу некоторых сов – по крайней мере, ушастой совы. Следует сделать ещё несколько замечаний о технологии проведения наблюдения за совами в природных условиях. Удобнее всего осуществлять их в полуоткрытых местообитаниях, где в летнее время птенцы и взрослые совы бывают хорошо заметны на фоне светлого небосклона. Наблюдения за этими птицами трудоёмки, требуют значительных затрат сил и времени. В нашем случае они проводились с привлечением групп студентов и отдельных энтузиастов, выступавших в разное время наблюдателями. Голос птенцов – наиболее важный маркёр, дающий информацию о местонахождении и физиологическом состоянии слётков и взрослых сов. Приборы ночного видения для таких наблюдений малоэффективны из-за изолирующего эффекта оперения. Метод кольцева-

ния здесь также малоприменим, поскольку не предполагает работы с идентификацией отдельных особей среди совокупности многих птиц и малой информативности этого метода при единичном кольцевании. В проведении подобных исследований определяющее значение имеет слух наблюдателя, его опыт и способность различать оттенки звуковых сигналов птенцов. С выводками ушастой совы удаётся работать относительно просто, но голоса птенцов серой неясыти различаются намного хуже.

Следует также добавить, что некоторые наиболее толерантные выводки при постоянном и осторожном поведении натуралиста привыкают к его присутствию и позволяют вести прямые визуальные наблюдения, используя неяркие осветительные приборы. Все эти методы могут позволить не только возвращать совят в природную среду, но и в последующем прослеживать их дальнейшую судьбу в условиях выкармливания выводков или самостоятельного существования.

ISSN 1026-5627
*Русский орнитологический журнал 2020, Том 29, Экспресс-выпуск **2016**: 6116-6118*

Майская встреча выводка клеста-еловика *Loxia curvirostra* в городе Алтай (Зыряновск)

Н.Н.Березовиков, И.П.Рекуц

Николай Николаевич Березовиков. Институт зоологии, Министерство образования и науки, проспект Аль-Фараби, д. 93, Алматы, 050060, Казахстан. E-mail: berezovikov_n@mail.ru
Ирина Петровна Рекуц. Алтай, Восточно-Казахстанская область, 070800, Казахстан

Поступила в редакцию 24 декабря 2020

Сведений о сроках размножения клеста-еловика *Loxia curvirostra* в алтайской части его ареала очень мало. Для Западной Сибири время начала большинства кладок приводится для марта и апреля (Рябицев 2008). В северо-восточной части Алтая на Телецком озере в яйцеводах самок, добытых в 20-х числах марта, содержались крупные формирующиеся яйца (Кучин 1982). На озере Маркаколь на Южном Алтае гнездо с 3 насиженными яйцами нашли 24 апреля 1958 (Ковшарь 1974), а самку с 3 доросшими птенцами, появившуюся из леса в селе Урунхайка, встретили 24 апреля 1981 (Березовиков 1989). Представляет интерес наблюдение 20 мая 2020 взрослого самца еловика с одним доросшим молодым на северной окраине города Алтай (Зыряновск) в нижнем течении Бухтармы (рис. 1-3). Птицы держались в кроне одной из раскидистых ив на берегу городского пруда, после чего исчезли.

Рис. 1. Самец клёста-еловика *Loxia curvirostra* с молодой птицей в городе Алтай (Зыряновск). Южный Алтай. 20 мая 2020. Фото И.П.Рекуц.

Рис. 2. Молодой клёст-еловик *Loxia curvirostra* в кроне ивы. Алтай (Зыряновск). Алтай (Зыряновск). 20 мая 2020. Фото И.П.Рекуц.

Майское появление выводка клеста-еловика в городе среди лугостепных предгорий Южного Алтая, в 20-30 км в стороне от ближайших массивов пихтовой тайги на южном склоне хребта Холзун в междуречье Тургусуна, Хамира и Черневой, необычно и объяснить его трудно. Ранее клестов-еловиков встречали только в декабре, январе и феврале в городском парке Зыряновска, где имеются старые насаждения ели и сосны, на которых они кормились в эти зимние месяцы.

Рис. 3. Взрослый самец клеста-еловика *Loxia curvirostra* в кроне ивы.
Алтай (Зыряновск). 20 мая 2020. Фото И.П.Рекуц.

Литература

Березовиков Н.Н. 1989. *Птицы Маркакольской котловины (Южный Алтай)*. Алма-Ата: 1-200.

Ковшарь А.Ф. 1974. Род Клёст – *Loxia* // *Птицы Казахстана*. Алма-Ата, **5**: 320-331.

Кучин А.П. 1982. *Птицы Алтая. Воробьиные*. Барнаул: 1-208.

Рябицев В.К. 2008. *Птицы Урала, Приуралья и Западной Сибири. Справочник-определитель*. Екатеринбург: 1-634.

ISSN 1026-5627
*Русский орнитологический журнал 2020, Том 29, Экспресс-выпуск **2016**: 6118-6120*

Критическое снижение численности овсянки-ремеза *Ocyris rusticus:* современная ситуация в области Байкальского рифта

Ю.А.Дурнев, Н.В.Морошенко

Второе издание. Первая публикация в 2020[*]

Овсянка-ремез *Ocyris rusticus* в недавнем прошлом была одной из самых многочисленных пролётных птиц зоны Байкальского рифта и Южной Сибири в целом. В связи с резким снижением численности в

[*] Дурнев Ю.А., Морошенко Н.В. 2020. Критическое снижение численности овсянки-ремеза: современная ситуация в области Байкальского рифта // *Орнитологические исследования в странах Северной Евразии*. Минск: 171-172.

2016 году вид внесён в Красный список МСОП (категория NT – виды, находящиеся в состоянии, близком к угрожаемому).

Материалами для настоящего сообщения послужили данные авторов по фенологии миграций овсянки-ремеза, а также сведения, собранные старейшими орнитологами Байкальского региона С.И.Липиным и В.Д.Сониным по методу «дорожки наблюдений». В целом период наблюдений охватывает временной промежуток с 1958 по 2009 год. Общая протяжённость маршрутов, на которых авторы учитывали овсянку-ремеза в разных пунктах Байкальского рифта в 1974-2009 годах по методике Р.Л.Наумова (1965), составила 1403 км. Сведения о питании вида основаны на анализе желудков (n = 167), собранных в процессе комплексного зоопаразитологического и эпидемиологического обследования видов-мигрантов в рамках темы ГКНТ СССР «Трансконтинентальные перелёты птиц и перенос арбовирусов» в 1984-1991 годах; использованы также пробы кормов (n = 301), собранные прижизненными методами. Для сравнения использованы данные авторов по экологии овсянки-ремеза в крайней северо-западной точке обитания вида в России – на Карельском перешейке, полученные в 2010-2019 годах.

В южной части Байкальской рифтовой зоны, протянувшейся на расстояние в 2000 км от южных районов Якутии до озера Хубсугул в Северной Монголии, овсянка-ремез встречалась только в периоды сезонных миграций. Особенно интенсивный пролёт крупных стай овсянок этого вида отмечали в миграционных «бутылочных горлышках» на северо-восточном и южном побережьях озера Байкал, а также в широких долинах крупнейших рек региона: Селенги, Ангары, Витима и Лены, имеющих в целом меридиональное направление.

По результатам исследования фенологии миграций, средний срок появления вида в регионе за 150-летний период наблюдений – 4 апреля (± 10 дней). Миграции овсянки-ремеза крайне интенсивны: в середине апреля отмечались пролётные стаи из тысяч особей; к началу мая массовый пролёт спадал и заканчивался в последней декаде месяца. Характерно, что эта ситуация отмечалась с первых стационарных орнитологических наблюдений на Байкале, начавшихся в 1960-е годы. Вся эта огромная масса овсянок-ремезов распределялась на гнездовании в зоне северной тайги от Скандинавии до Камчатки, включая и северную часть Байкальского рифта.

Результаты многолетнего изучения рациона овсянки-ремеза показали, что кормовая база вида отличается высокой устойчивостью во все сезоны и не может быть причиной деградации численности вида. Проведённый анализ гнездовой экологии овсянки-ремеза в центральной сибирской части ареала и на Карельском перешейке вблизи западной границы распространения вида позволяет сделать вывод, что этот вид на местах размножения практически не имеет лимитирующих факто-

ров, за исключением климатических. Таким образом, как и в случае с овсянкой-дубровником *Ocyris aureolus*, причины катастрофического снижения численности овсянки-ремеза могут быть установлены в ходе исследований на местах зимовок в Индокитае.

ISSN 1026-5627
*Русский орнитологический журнал 2020, Том 29, Экспресс-выпуск **2016**: 6120-6122*

Сведения о гнездовании зимородка *Alcedo atthis* и золотистой щурки *Merops apiaster* в Чувашском Присурье

Ю.В.Котюков, И.И.Николаева

*Второе издание. Первая публикация в 2001**

Гнездование зимородка *Alcedo atthis* и золотистой щурки *Merops apiaster* в бассейне реки Суры установлено в начале XX века, однако конкретные сведения о размножении этих видов в регионе ограничиваются находками нескольких гнёзд в Мордовии (Луговой 1975). Современные данные, подтверждающие гнездование названных видов в заповеднике «Присурский» и национальном парке «Чаваш вармане», а также в Алатырском и Шемуршинском районах Чувашской Республики отсутствуют (Глушенков и др. 1997; Ластухин, Коган 1997). В связи с этим определённый интерес могут представлять результаты обследования рек Бездна и Сура, проведённого И.И.Николаевой в 1986-1987 годах.

Берега реки Бездны обследованы на участке от села Бичурга-Баишево до устья 22-29 июня 1986 и повторно отдельные отрезки русла обследованы 28-29 июля и 13 августа 1986. Жилые норы зимородка найдены только в последней трети течения реки ниже деревни Сальный. Норы располагались в отвесных береговых склонах высотой от 1.5 до 5 м в 37-75 см от верхнего края обрывов. Берега реки над норами, как правило, были покрыты древесно-кустарниковой растительностью. Размеры летка (ширина × высота, $n = 7$), см: 4-6×6-7, длина нор с гнездовой камерой ($n = 7$), см: 51-86, в среднем 67.3. Полные кладки состояли в одном случае из 6 и в 5 случаях из 7 яиц. Размеры 27 яиц пяти кладок, мм: 21.3-23.5×18.0-19.2, в среднем 22.31±0.133×18.67±0.069. По степени насиженности яиц и стадии развития птенцов рассчитаны даты появления первого яйца в кладках; самая ранняя из них начата 2

* Котюков Ю.В., Николаева И.И. 2001. Сведения о гнездовании обыкновенного зимородка и золотистой щурки в Чувашском Присурье // *Тр. заповедника «Присурский»* **4**: 47-48.

мая, самая поздняя – 16 июля. Птенцы самого позднего выводка поднялись на крыло в первой пятидневке сентября. Таким образом, в 1986 году на реке Бездне учтено 11 жилых нор зимородка, в которых отмечено 12 случаев гнездования (одна нора занята дважды в течение сезона). Отлов взрослых гнездящихся птиц не проводился, однако сопоставление сроков гнездования и анализ размещения гнёзд на реке позволяют предположить, что число размножавшихся здесь самок не превышало 8 особей. Велика вероятность того, что дважды в течение сезона размножались 3 самки, в этом случае их численность составила 7 особей. Средняя плотность на участке русла от деревни Сальный до села Знаменка (22.5 км) составила около 0.5 нор/км и 0.31-0.36 самки на 1 км. Участок реки от села Знаменка до устья не включён в расчёты, так как занятые пашней берега на этом участке совершенно не пригодны для гнездования зимородка.

29-30 июня и 1-3 августа 1987 обследованы берега реки Суры от Алатыря до границы Порецкого района. Далеко не полный учёт позволил обнаружить на этом участке 7 жилых нор с птенцами, которые были окольцованы. Интересно отметить, что 2 птенца из 2 выводков, окольцованных возле Княжьего Яра, в следующем году были найдены в Рязанской области. Одна из птиц, оказавшаяся самкой, гнездилась в Окском заповеднике (360.9 км от места кольцевания, 264.1°, ортодромическая дистанция и локсодромический азимут возврата рассчитаны по; Imboden, Imboden 1972); другая, оказавшаяся самцом, поймана паутинной сетью у пристани Копаново на Оке (350.9 км, 261.2°). 16 выводков зимородка, окольцованных на реках Бездна и Сура, состояли из 3 (1 случай), 4 (2), 5 (2), 6 (4), 7 (6) и 8 (1) птенцов.

Норы золотистой щурки на реке Бездне найдены на участке от пастбища Чурак до села Знаменка (40 км). Норы найдены в обрывах высотой от 2 до 5 м, высота расположения лётных отверстий нор от подошвы обрыва от 2 до 4.1 м. Все норы приурочены к луговым берегам. Отдельные поселения состояли из 1 (7 случаев), 2 (4), 3 (1) и 4 (1) пар. Таким образом, плотность населения щурок составила в среднем 0.55 пары на 1 км русла.

Для более полной регистрации нор обыкновенного зимородка и золотистой щурки необходимо проводить учёты с лодки. Для Чувашии сроки проведения первого маршрутного учёта – 15-20 июня и следующих с интервалом 3 недели (если ставится задача поголовного мечения взрослых птиц и птенцов) или 30-35 дней.

Литература

Глушенков О.В., Хмельков Н.Т., Яковлев А.А. 1997. Видовой состав редких видов птиц национального парка «Чаваш вармане» // *Фауна, экология и охрана редких птиц Среднего Поволжья*. Саранск: 63-65.

Ластухин А.А., Коган В.Г. 1997. К фауне птиц заповедника «Присурский» // *Фауна, экология и охрана редких птиц Среднего Поволжья*. Саранск: 84-87.
Луговой А.Е. 1975. *Птицы Мордовии*. Горький: 1-299.
Imboden C., Imboden D. 1972. Formel für Orthodrome und Loxodrome bei Berechnung von Richtung und Distanz zwischen Beringungs- und Wiederfundort // *Vogelwarte* **26**, 4: 336-346.

ISSN 1026-5627
*Русский орнитологический журнал 2020, Том 29, Экспресс-выпуск **2016**: 6122-6124*

Весенняя численность птиц в селе Никольское (остров Беринга, Командорские острова)

Е.Г.Мамаев, И.Г.Бобырь, В.Г.Лозинский, В.А.Агафонов

*Второе издание. Первая публикация в 2014**

Несмотря на достаточно хорошую изученность авифауны Командорских островов, целый ряд вопросов по-прежнему остаётся мало освещённым. Так, крайне слабо изучено птичье население островов в зимний период. Практически отсутствуют данные по численности и видовому составу птиц в единственном на Командорских островах населённом пункте – селе Никольское. В связи с этим нами в ранневесенний период 2014 года был проведён учёт численности птиц на острове Беринга. В настоящем сообщении мы представляем данные по численности и видовому составу птиц села Никольское.

Учёт птиц в Никольском на острове Беринга провели 9 апреля 2014. Он был начат в 10 ч и окончен в 12 ч 45 мин. Чтобы минимизировать повторные подсчёты птиц, учёт одновременно проводили 5 учётчиков, обследовавших разные части села. Данные, полученные ими, в дальнейшем свели в общую таблицу и обрабатывали единым массивом. Погода в день проведения учёта была пасмурной: облачность 10 баллов, скорость ветра 5 м/с, ветер дул с востока, периодически шёл мокрый снег. При проведении учёта использовали бинокли, фотоаппарат, точки встреч птиц фиксировали с помощью GPS-навигатора. Крупных птиц отмечали визуально, воробьёв – визуально и на слух, так как не всегда удавалось отыскать поющую особь.

В результате учётов в селе зарегистрирована 591 птица 6 видов: серокрылая чайка *Larus glaucescens*, тихоокеанская чайка *L. schistisagus*, ворон *Corvus corax*, чечётка *Acanthis flammea*, полевой воробей *Passer montanus* и пуночка *Plectrophenax nivalis townsendi*.

Доминирующим по численности видом птиц была серокрылая чайка. Её общая численность в селе составила 324 особи. Птицы были до-

* Мамаев Е.Г., Бобырь И.Г., Лозинский В.Г., Агафонов В.А. 2014. Весенняя численность птиц в селе Никольском (о. Беринга, Командорские о-ва) // *Сохранение биоразнообразия Камчатки и прилегающих морей*. Петропавловск-Камчатский: 317-319.

статочно равномерно распределены в пределах села: сидели на крышах домов, столбах, на площадках перед домами. Повышенные концентрации отмечены на сельской свалке бытового мусора – 20 птиц и в устье река Гаванской – 52 птицы. Из-за постоянного обилия корма повышенная концентрация птиц в селе отмечается круглый год и сравнима с концентрацией чаек на лежбищах (Артюхин 1991). В ноябре 2011 года В.А.Бузун (2011) рядом с местным рыбокомбинатом насчитывал свыше 300 серокрылых чаек, кормившихся отходами котикового промысла. Таким образом, серокрылая чайка является обычным и постоянным представителем орнитофауны села.

В селе была отмечена одна тихоокеанская чайка. Этот вид в конце XIX века отмечался на Командорских островах случайно, а в 1989 году было впервые отмечено его гнездование (Артюхин 1991). Однако несмотря на случаи гнездования, тихоокеанская чайка по-прежнему немногочисленна на островах.

Ещё одним обычным видом птиц Никольского является ворон. Общая численность ворона в селе составила 63 особи. Наибольшая концентрация птиц отмечена на сельской свалке бытовых отходов – 25 особей. Ещё одним местом концентрации оказалась точка на окраине села, где содержат собак. Во́роны в селе присутствуют круглый год, но в зимнее время их численность возрастает. Концентрация птиц связана с наличием большого количества легкодоступного корма. На ночёвку птицы устраиваются на скалах Входного Рифа и в дюнах у свалки бытовых отходов. В ноябре – первой декаде декабря 2011 года В.А.Бузун (2011) в селе насчитывал до 60-80 воронов.

Вторым по численности после серокрылой чайки доминирующим видом птиц в селе в ранневесенний период является полевой воробей. Общая численность полевого воробья составила 179 особей. Местами наибольшей концентрации птиц были сельская свалка бытового мусора, площадка перед хлебным магазином и дом, на котором находится кормушка. В этих местах насчитано 15, 37 и 11 птиц соответственно. Полевой воробей является видом-интродуцентом на Камчатке, где он появился в 1979 году (Лобков 2002). Спустя 8 лет (с 1987 года) полевых воробьёв стали наблюдать в Никольском (Артюхин 2002). В 1993 году впервые было отмечено гнездование воробья в селе. В 1997 году полевые воробьи впервые зарегистрированы на острове Медный (Мамаев 2008). Несмотря на достаточно долгий период обитания на Командорских островах, в гнездовой период воробьи встречаются только в селе и его окрестностях. В осенний период кочующих птиц по побережью острова Беринга отмечал В.А.Бузун (2011). Гнездование в других частях острова не отмечено. Таким образом, на Командорских островах этот вид жёстко привязан к человеческому поселению. В период проведения учёта воробьи активно демонстрировали себя и поющих птиц можно

было наблюдать под коньками крыш, в щелях обшивки домов и тому подобных местах. Учитывая тот факт, что сейчас в селе идёт активный снос старых домов и отделка других металлическим профнастилом, перекрытие крыш металлочерепицей, следует ожидать, что для данного вида останется меньше мест для гнездования. Это может привести к сокращению численности полевого воробья в селе.

Во время учёта зарегистрирована одна обыкновенная чечётка, которая держалась вместе с пуночкой. Чечётка была отмечена на границе села у развалившихся строений бывшей фермы.

Ещё одним достаточно многочисленным видом птиц является пуночка. Общая учтённая численность пуночки составила 23 особи. Были отмечены как одиночные птицы, так и стайки до 9 особей. Основная масса птиц (86.9%) учтена на границе села вдоль берега реки Гаванской, на сельской свалке бытовых отходов и на огородах.

Ещё один вид птиц, который был отмечен в зимний-ранневесенний период в селе Никольское, – сизый голубь *Columba livia*. Одиночную особь наблюдали несколько раз как зимой, так и предыдущим летом. Однако в день проведения учёта птиц голубь отмечен не был. Регистрация сизого голубя в Никольском является первой регистрацией вида для Командорских островов.

Проведённый ранневесенний учёт птиц в селе Никольское может служить отправной точкой для долговременного мониторинга птичьего населения в антропогенном местообитании Командорских островов.

Литература

Артюхин Ю.Б. 1991. *Гнездовая авифауна Командорских островов (современное состояние и динамика, охрана и перспективы использования)*. Дис. ... канд. биол. наук. М.: 1-163 (рукопись).

Артюхин Ю.Б. 2002. Дополнительные сведения о фауне птиц Командорских островов // *Биология и охрана птиц Камчатки* **4**: 34-36.

Бузун В.А. 2011. *Птицы Командорских островов: сезон 2011 года (с элементами обзора состояния вида на сопредельных территориях)*. Науч. отчёт. Гос. природный заповедник «Командорский»: 1-54 (рукопись).

Лобков Е.Г. 2002. Становление и динамика популяций интродуцированных на Камчатке полевого *Passer montanus* и домового *Passer domesticus* воробьёв // *Биология и охрана птиц Камчатки* **4**: 93-99.

Мамаев Е.Г. 2008. Авифаунистические наблюдения на о. Медном, Командорские острова // *Биология и охрана птиц Камчатки* **8**: 103-105.

ISSN 1026-5627
*Русский орнитологический журнал 2020, Том 29, Экспресс-выпуск **2016**: 6125-6127*

О пребывании моевки *Rissa tridactyla* в Азово-Черноморском бассейне

В.П.Белик

*Второе издание. Первая публикация в 2016**

Недавно М.А.Динкевич (2010) опубликовал очень интересные и важные материалы о распространении, численности и экологии моевки *Rissa tridactyla* в Азово-Черноморском бассейне. В заключение своей работы он пишет: «Накопленные литературные и оригинальные данные автора свидетельствуют, что встречи моевок в регионе носят регулярный характер и не могут считаться залётами. ... Моевки во время пролёта движутся не только вдоль побережий, но и над внутриматериковыми водоёмами» (Динкевич 2010, с. 87).

Однако эти выводы в основном базируются на данных лишь одной морской экспедиции, проведённой в Чёрном море в апреле 2008 года. При этом отмечено, что моевки не найдены в районе Сочи, где неоднократно регистрировались в прежние годы. Не было новых сведений о встречах моевок также в Абхазии, в Крыму. Не исключено поэтому, что представленные материалы отражают лишь особенности зимнего сезона 2007/08 года, когда было отмечено большинство наблюдавшихся автором птиц. Появиться же на Чёрном море моевки могли тогда в результате массовой спонтанной инвазии. О возможности таких инвазионных залётов сообщает, например, Ф.И.Страутман (1963), проанализировавший встречи моевок в 1894 году в Центральной Европе.

Кроме того, согласно учётам автора, обилие моевок на ближней морской трансекте (1.5-7.0 км от берега) весной 2008 года составляло 0.56 особей на 10 км маршрута, или 0.09 особи на 1 км^2 акватории (Динкевич 2010). Если не принимать во внимание, что эти результаты могли быть завышены из-за аттрактантного воздействия на птиц идущего по морю судна, о чём свидетельствует сам автор, то численность моевок, державшихся в 2008 году вдоль северного побережья Чёрного моря (около 1500 км от Турции до Румынии), могла составлять от 100 до 900 особей. Если же учесть, что вся популяция моевок, гнездящихся у северо-западных берегов Европы, оценивается в 2-3 млн. гнездовых пар (European bird populations 2000; Birds in Europe 2004), т.е. не менее 5-10 млн. зимующих в Атлантике особей (Rose, Scott 1994), то даже 500 черноморских моевок составляют лишь 0.01-0.005% всех европейских птиц. Это вряд ли может свидетельствовать о регулярности их зимовок

* Белик В.П. 2016. О пребывании моевки в Азово-Черноморском бассейне // *Бранта* **19**: 152-155.

на Чёрном море. Согласно «Птицам Западной Палеарктики» (Snow, Perrins 1998), зимовки моевки простираются от Атлантики лишь до западной части Средиземного моря, а в Турции, Сирии, Ливане, Тунисе, на Кипре отмечались только залёты этих чаек. В Турции моевки очень редки (по экспертной оценке – до 30-60 зимующих особей), как и в Греции (5-10 особей) и Гибралтаре (1-3 особи), изредка отмечаются в Словении (Birds in Europe 2004). Но вполне очевидно, что это не типичные зимовки, а лишь залёты.

Что же касается «большого количества встреч этих чаек над материковыми водоёмами» от Днестра до Каспия, о которых сообщает Динкевич (2010, с. 87), ссылаясь на К.А.Юдина и Л.В.Фирсову (2002), то автору было бы целесообразно самому познакомиться с указанными первоисточниками. Например, Г.П.Дементьев (1951) по этому поводу совершенно определённо писал, что все встречи моевок на внутренних водоёмах – это единичные случайные залёты. Об этом же прямо свидетельствуют и другие авторы (Кістяківський 1957; Барабаш-Никифоров, Семаго 1963; Страутман 1963; Сотников 2001; и др.). Можно также добавить, что в европейской части России единичные залёты моевок, иногда очень давние, отмечены лишь в 11-12 из 45 административных регионов (Свиридова, Зубакин 2000).

Поэтому говорить о регулярном пролёте и зимовках моевки на Чёрном море пока нет особых оснований. Она зимует в основном в Северной Атлантике между 60° и 40° с.ш., и только единичные особи смещаются к югу до 20° с.ш. (Дементьев 1951; Юдин, Фирсова 2002). А в Средиземноморье и тем более на Чёрное и Азовское моря моевки попадают, очевидно, лишь случайно. Поскольку же молодые птицы откочёвывают на зимовку южнее, чем взрослые (Юдин, Фирсова 2002), то именно они чаще залетают и на Чёрное море. К тому же, очевидно, не отлаженная навигационная система молодых птиц чаще даёт сбои и приводит их в чуждые районы, где они в большинстве обречены на элиминацию.

Литература

Барабаш-Никифоров И.И., Семаго Л.Л. 1963. *Птицы юго-востока Черноземного центра*. Воронеж: 1-212.

Дементьев Г.П. 1951. Отряд чайки Lari или Lariformes // *Птицы Советского Союза*. М., **3**: 373-603.

Динкевич М.А. 2010. Новые данные о встречах моевок в северо-восточных районах Азово-Черноморского бассейна // *Бранта* **13**: 80-88.

Кістяківський О.Б. 1957. *Птахи: Загальна характеристика птахів. Курині. Голуби. Рябки. Пастушки. Журавлі. Дрофи. Кулики. Мартини*. Київ: 1-432.

Свиридова Т.В., Зубакин В.А. (ред.). 2000. *Ключевые орнитологические территории России. Т. 1. Ключевые орнитологические территории международного значения в Европейской России*. М.: 1-702.

Сотников В.Н. 2001. *Птицы Кировской области и сопредельных территорий*, Т. 1. Неворобьиные. Ч. 2. Киров: 1-528.

Страутман Ф.И. 1963. *Птицы Западных областей УССР*. Львов, **1**: 1-199.
Юдин К.А., Фирсова Л.В. 2002. *Ржанкообразные Charadriiformes. Ч. 1. Поморники семейства Stercorariidae и чайки подсемейства Larinae*. СПб.: 1-667 (Фауна России и сопредельных стран. Нов. сер. № 146. Птицы. Т. 2. Вып. 2).
Birds in Europe: population estimates, trends and conservation status. 2004. Cambridge, UK.: 1-374.
European bird populations: estimates and trends. 2000. Cambridge, UK: 1-160.
Rose P.M., Scott D.A. 1994. Waterfowl populations estimates // *IWRB Publ*. **29**: 1-102.
Snow D.W., Perrins C.M. (eds.) 1998. *The Birds of the Western Palearctic:* Concise Edition. Oxford Univ. Press., **1**: 1-1008.

ISSN 1026-5627
*Русский орнитологический журнал 2020, Том 29, Экспресс-выпуск **2016**: 6127*

Встреча среднего пёстрого дятла *Dendrocopos medius* в Башкирии

П.Г.Полежанкина

*Второе издание. Первая публикация в 2011**

Ранее средний пёстрый дятел *Dendrocopos medius* в Башкирии отмечался К.В.Валуевым 22 июня 2001 в окрестностях деревни Кузьминовка Фёдоровского района (Баянов, Валуев 2003). М.А.Фоминых (2007, 2010) наблюдал его 14 августа 2007 в Краснокамском районе в окрестностях деревни Ивановка и 20 августа 2010 – в Бураевском районе в окрестностях деревни Ваныш-Алпаутово.

Нами два средних пёстрых дятла встречены 25 июня 2011 в Башкирском заповеднике в смешанном сосново-берёзовом лесу в 4 км от деревни Саргая, возле дороги на деревню Кулгино.

Литература

Баянов М.Г., Валуев В.А. 2003. Птицы Белебеевской возвышенности (Республика Башкортостан) // *Итоги биологических исследований*. Уфа, **7**: 34-46.
Фоминых М.А. 2007. К редким видам птиц Республики Башкортостан // *Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири* **12**: 265-266.
Фоминых М.А. 2010. Дополнения к редким видам птиц Башкортостана // *Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири* **15**: 184-185.

* Полежанкина П.Г. 2011. Встреча среднего пёстрого дятла в Башкирии // *Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири* **16**: 102-103.